

«КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ»

Бертрам — Иен Ричардсон (слева), король французский — Себастьян Шоу, Елена — Эстелл Кёлер.

Фото В. Шидловского.

КОГДА театры ставят «Конец — делу венеца», они обычно стараются насытить эту позднюю комедию Шекспира праздничным и беззаботным духом первых шекспировских комедий. Для этого есть основания: многое в событиях, характерах, атмосфере комедии напоминает «Как нам это понравится» или «Двенадцатую ночь».

Режиссер Королевского Шекспировского театра Джон Бартон являл нам на «Конец — делу венеца» новыми глазами: он помнил, что эта пьеса — современница «Гамлета» и «Отелло», что в ней легко уловить мрачные отзвуки великих трагедий Шекспира.

В спектакле английского театра нам открылся исполненный «прощальной красоты» мир осеннего увядания. Осень не только в стоящих на сцене бледных, высохших цветах, но только в приглушенной желтовато-коричневой гамме костюмов и декораций (художник Т. О'Брайен), но и в певеселых островах меланхолического шута (И. Хогг), в светлой печали старой графини Руссильонской (Кэтрин Лейси), в ее улыбке, мудрой и вопрошающей. Осень — в самом холодном и

прозрачном воздухе Руссильона.

Елена, какой играет ее Эстелл Кёлер, — плоть от плоти этого причудливого и печального мира. Тщетно было бы искать в ней энергию и предприимчивость шекспировской героини. Застенчивая, нескладная, жмущаяся в углу девочка, она озарена робкой, преданной, не ждущей награды любовью. Ее обаяние — в незащищенности, чистоте, женственности.

Терпеливо и ласково говорит Елена — Э. Кёлер с королем, пораженным смертельным недугом, как говорят с больным ребенком, и ее пальцы нежно, осторожно, едва касаясь, гладят лицо аристократического старика. И, вопреки образу, восторженно и безропотно ждущий любимого. Кажется, что она вызывает не к любви, а к состраданию Бертрама.

Лучшее среди актерских созданий английского спектакля — Бертрам в блистательном исполнении Иена Ричардсона. В этом графе Руссильонском нет и следа аристократического высокомерия. Конечно, призвав короля жениться на Елене оскорбляет его. Но если Бертрам в традиционном толковании этого образа унижен в своем аристокра-

тическом достоинстве (ему, графу, нельзя стать мужем дочери какого-то лекаря), то Бертрам — Ричардсон просто надувается, как нагретое дитя, которого заставляют поступать против воли. Когда же, валяясь на Елену, он видит ее глаза, полные слез, он смущен, растерян, растроган, готов броситься к ней, просить прощенья, а может быть, полюбить. Но тут хвастливый вояка Пароль машет перед ним шпагой, призывая его на поле брани, и... все забыто. Бертраму очень хочется утешить Елену, но на войну ему, мальчишке, мечтающему о приключениях, хочется еще больше. Однако нам становится ясно: недолго осталось страдать Елене. Чтобы заново этого строптивого, но мягкосердечного Бертрама, особых усилий любви не требуется. Шекспировского же Бертрама слезами и покорностью не проймешь — там нужны иные способы, там нужна иная Елена.

Действие комедии переносится в Италию, и режиссер на время вводит нас в мир ничем не озабоченного веселья, полный движения, шума, красок. Здесь идет игрушечная война, на которой

никого не убивают, зато дают вволю помаршировать в ярком мундире, с развевающимся знаменем, помахать шпагой, пострелять и побить в барабан. Бертрам — Иен Ричардсон на вершине блаженства. Упоенно, самозабвенно, с глумовато-счастливым лицом он марширует, выдвигает со шпагой в руке положенные в строю движения. Правда, шпага как-то не совсем ловко держится в руке, но это не мешает Бертраму чувствовать себя бывалым солдатом и настоящим мужчиной. Как всегда бывает, когда на сцене большой мастер комедии, кажется, что Ричардсон импровизирует, что все эти удивительно смешные приемы найдены им сейчас, сию минуту.

Но недолго длится весенняя юная горячка. Приходит горькое похмелье: Бертрама оглушает весть о смерти Елены. (В пьесе Бертрам принимает это известие более чем спокойно). Кончается театральное пиршество итальянских сцен. Спектакль возвращается на «круги своя» — в Руссильон, в осень.

В конце спектакля Бертрам — Ричардсон неузнаваем. Присмиравший, грустный, он как-то уял, сниж, словно его коснулось осеннее дыхание Руссильона. Его меланхолия — не просто тоска по умершей. Когда появляется живая и невредимая Елена, Бертрам не испытывает ни удивления, ни радости — он покорно опускается на колени и молчит о прощеньи. Трудно сказать, чего сейчас больше в нем — любви или просто сострадания к мукам, которые вынесла Елена. В молчании, повзрослевшие и серьезные, они медленно уходят.

Элегический, умиротворенный и, может быть, чуть контрастный финал спектакля оставляет странное чувство: мало становится прежнего, смешного, любимого мальчишки Бертрама, чей живой дух угас в этом печальном, кратком человеке. В его сердце, в сердце спектакля — Руссильон, осень, усталость.

Конечно, в комедии Шекспира меньше горечи, больше энергии, движения, полнокровия жизни. Недаром она названа «Конец — делу венеца». Это вы поймаете потом, после спектакля, когда освободитесь от его завораживающего обаяния. Когда же вы в зрительном зале, вы покорны власти этого умного, изысканного, пленительно красивого зрелища.

А. БАРТОШЕВИЧ.